

СОДЕРЖАНИЕ

Новейшая история грехов.....	7
Блуд.....	39
Чревоугодие.....	69
Сребролюбие.....	99
Гордость.....	131
Гнев.....	163
Уныние.....	193

**ЭТА КНИГА ПРЕДСТАВИТ
ИНТЕРЕС КАК ДЛЯ КРИТИКОВ
ПРАВОСЛАВНОГО УЧЕНИЯ,
ТАК И ДЛЯ ЕГО АПОЛОГЕТОВ**

НОВЕЙШАЯ ИСТОРИЯ ГРЕХОВ

Сия книга задумывалась как развёрнутое творческое объяснение для моего читателя, что именно происходило со мной после отъезда с Афона. Как я жил, как, с каким настроением работал над своими книгами, как вошёл в отрицание вплоть до балансирования на грани разрыва с церковью и как пережил весь этот сложный жизненный период. И куда, в каком направлении собираюсь теперь идти. Но книга будет интересной не только знающему мою историю читателю, но и любому интересующемуся православием человеку. Причём интерес она представит как для критиков православного учения, так и для его апологетов. Ибо от избытка сердца глаголют уста, и эта книга написана от избытка моих чувств, служа напоминанием о той шаткой невидимой грани, что отделяет веру от безверия и праведность от нечестия — для апологетов учения. А для критиков припасено много кровоточивых воспоминаний о боли

и страдании, о религиозной лжесвободе и о страхе смерти — камне, положенном в углу фундамента любовью религиозности. Думаю, что книга доставит удовольствие и человеку, постороннему околорасправославию, потому как повествует о психологии бунта, что применимо к любой человеческой деятельности.

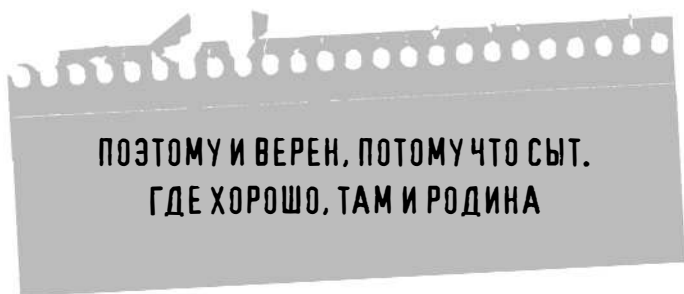
Всё, что нужно знать постороннему теме человеку — я прожил восемь лет в монастырских стенах, из них три последних на святой горе Афон. Десять лет моей жизни в миру ознаменовались рождением новой православной звезды, литературными премиями и большими тиражами, когда написанные мною книги по теме религии били рекорды продаж в лавках православных храмов. Но вновь родившаяся звезда сорвалась с пьедестала и полетела «во тьму», как это казалось православному сообществу, оставляя в падении шлейф алкогольных скандалов. Это падение, за которым можно было наблюдать через интернет, длилось лет пять, и казалось, что я сам себя закопал так глубоко, что меня никто уже из-под земли не вытянет. Но я всё ещё жив, стою крепко на этой земле обеими ногами и наконец созрел для серьёзного разговора.

Я всегда чувствовал ответственность перед своим читателем, но только сейчас впервые исповедуюсь перед вами, поскольку проблемы с алкоголем, слава богу, были решены и душа моя возвратилась к благо разумию. Обычный православный миф трактует моё поведение как грехопадение и отпадение от истины в греховную тьму. Так и казалось. Некоторые мои читателя плакали обо мне — «утянул лукавый, Господи помилуй!». Но я свидетельствую — всё это

«грехопадение» можно рассматривать только исключительно как последствия алкоголизма, что не щадит ни верующих, ни атеистов, ни агностиков.

Когда я писал свои книги — прежде всего строил карьеру православного писателя и построил бы, если бы не проблемы с алкоголем. То есть верность определённому учению возрастала бы по клерикальному сценарию — эта «верность» стала бы фундаментом моего личного благосостояния. Поэтому и верен, потому что сыт. Где хорошо, там и родина. Возможно, я бы сейчас написал много интересных книжек и занял своё место на православном Олимпе — не бог весть что, но своё место среди миллионов неприкаянных россиян, что уже есть индивидуальное благо. Православные бы укрепляли дух моими статьями на ортодоксальных порталах и с обожанием закладывали бы мои фото в соцсетях. Скучал бы, поучая других весёлыми байками, и позировал бы с постным лицом на фоне храмов и монастырей, не отказывая паломникам в селфи. Ловил бы восхищённые отзывы православных тётенок и витиевато подписывал бы свои книги «на молитвенную память». Православный рынок достаточно большой, чтобы прокормить себя и свою семью. Публицистика, литература, сценарии — душеспасительное враньё в обмен на своё скромное место православного писателя. Это было бы благоразумно, хоть и скучно. Нужно было всегда держаться в православных границах и всегда быть готовым продемонстрировать свою православность перед другими. Вставить в ум невидимый одобренный отцами чип, контролирующий речь и поступки. И свидетельствовать перед «своими» — смотрите, я «свой», воцерковлённый. У меня борода, причёска под горшок, у меня

витиеватая речь с вкраплениями церковнославянского. Свой я, свой, и книжки у меня свои. Покупайте и хвалите меня. Поскольку, хваля меня, вы хвалите самих себя. А я уж за вас, братья и сестры, и в огонь, и в воду! Я бы, наверное, двигался по-православному, будь я в обойме — моё сознание определялось бы бытием, хотя я бы проповедовал нечто иное.

10

КАРТОННОЕ НЕБО

Трудно сказать, чем бы было это иное. Быть может, титанический труд оставаться искривлённым ради великой цели и плоски супа породил бы интересный религиозный дискурс, и я стал бы очередным звеном в православной исторической цепи. Вот они — на иконах и календарях смотрят на нас, скованных одной с ними православной цепью, и свидетельствуют о Христе. И они так же сковывали себя в бараний рог — выпрямление для них не просто гордыня, но бунт против светской власти. Царь был охоч до рубки еретических голов. Дальше от царя — крепче голова. Держи себя в границах, в темноте от других. Пусть домысливают, чем ты занимаешься в своей келье. Служи царю и церкви служи. А если умеешь витийствовать, то святцы ждут тебя. В Средневековье это исключительная по своему блеску карьера. Если ты

не барских кровей, куда тебе ещё податься? — грамота и благонравие гарантируют результат. Правила игры ты знаешь. Я тоже знал правила этой игры. Пусть сейчас это всё похоже на фарс — православная цепь продолжает выковываться.

То есть я клоню к тому, что мне было невыгодно покидать своё бронированное место на православном Олимпе. Оно у меня уже было, и довольно неплохое. Меня никто в церкви не обижал и не отталкивал. Напротив, относились хорошо и обласкали, душой приняв мои книги. Это был шанс от Бога, заработанный талантом, терпением в монастырях и стечением обстоятельств. Шанс найти своё место под солнцем, своих критиков и обожателей и более-менее лёгкую копейку. Писать-то — оно не мешки ворочать. Не существовало экономических причин для протеста, хотя были внутренние причины — раньше, на Афоне, я видел все церковные грехи и язвы как бы через тусклое стекло, а теперь, «в миру», узрел всё воочию. Но по правилам игры (помните?) ты страус, благочестивый страус. Спасайся сам, и вокруг тебя спасутся тысячи.

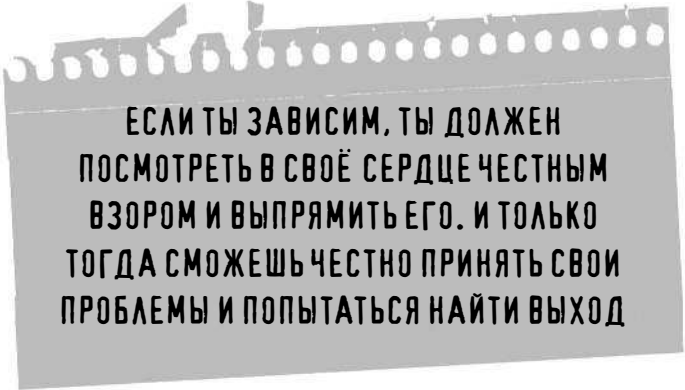
Всё бы шло как шло. Но тут вмешался дьявол, будь он неладен. Змей был хитрее других тварей полевых. Алкоголь всегда потрошит зависимого человека, привыкшего лгать самому себе. Если ты зависим, ты должен посмотреть в своё сердце честным взором и выпрямить его. И только тогда сможешь честно принять свои проблемы и попытаться найти выход из алкогольной зависимости. Алкоголик, продолжающий лицемерие — обречён на дальнейшее употребление и смерть. Не было бы этих проблем с алкашкой,

я б кривил душой, потому что так надо, так принято. Я бы изловчился управлять этой кривизной, найдя утешение в каких-нибудь хобби, и пытался бы соответствовать тому образу, который нарисовал себе мой читатель по прочтении «Афонских рассказов». Но всё это было разрушено, плотина чувств была прорвана, границы перейдены, и благочестивый образ был скомкан моими же руками и выброшен на помойку. Моё сердце наконец распрямилось, что бы это ни значило, и я получил шанс справиться со своей болезнью. Здесь мудрость! Не зелёный змей подбил меня на бунт (есть большое количество злоупотребляющих церковников, остающихся в обойме), а противодействие змию требовало этого бунта — как активного освобождения от лицемерия, как необходимого условия для приобретения святой трезвости.

Полегчало ли мне?

Да, полегчало. Но это произошло не сразу. В этой книге я постарался рассказать о том, что со мной происходило, так же искренне, как исповедовался Богу на Афоне. Получилось это у меня или нет — судить только вам. Ответственно заявляю, что за этой книгой не стоит желание отомстить за мнимые обиды или кому-нибудь насолить. Но и тактику «невыноса сора из избы» считаю вредной. Церковь — это общественный институт, занимающийся в том числе и миссионерской деятельностью. Как и в случае с другими общественными институтами, церковь отчаянно нуждается в общественном контроле. Однако духовенство воспитало довольно равнодушную и терпимую к церковным грехам паству. Верующему

предлагают заняться собой, забывая, что сама идея церкви, как тела Христова, подразумевает общую боль и общую радость, а не сосредоточенность на личной истории и шоры по отношению к поступкам священноначалия.

**ЕСЛИ ТЫ ЗАВИСИМ, ТЫ ДОЛЖЕН
ПОСМОТРЕТЬ В СВОЁ СЕРДЦЕ ЧЕСТНЫМ
ВЗОРОМ И ВЫПРЯМИТЬ ЕГО. И ТОЛЬКО
ТОГДА СМОЖЕШЬ ЧЕСТНО ПРИНЯТЬ СВОИ
ПРОБЛЕМЫ И ПОПЫТАТЬСЯ НАЙТИ ВЫХОД**

Нет в церкви личного греха. Грех духовника — это грех самой церкви, как общности верующих людей. Говорят, что церковь чиста и непорочна, даже если и состоит из грешных людей. Дух-де управляет в ней, а ты, Вася, блюди себя и не обращай внимания на чужие грехи. Церковь у нас одна, святые одни, а грехи у всех свои. Каждый отвечает сам за себя, а за всю церковь отвечает сам Бог. И ничего, что Бог кажется каким-то безответственным. При возникновении вопросов тебе говорят, что Бог попускает священнику или епископу впасть в грех. Подобный ответ — кляп, ибо неисповедимы пути Господни. Но тогда почему бы не признать и меру собственной ответственности за то, что происходит внутри твоей же религии? Получается, что не только Бог попускает, но и ты попускаешь, помогая греху совершаться. Он не твой, грех

этот, а у грешника своя совесть. А если у него нет совести, что тогда? Давайте будем честными: священники — это обычные мужики, где-то образованные, а где-то нет. Часто авантюристы. Священники совершают не только грехи, но и уголовные преступления и зачастую фигурируют в криминальной хронике. Почему мы — общество — должны накидывать на голое напившееся и блудящее духовенство накидку, якобы избегая участи хама? Потому что они называют себя «отцами»? А как же слова Евангелия: «И отцом себе не называйте никого на земле, ибо один у вас Отец, Который на небесах»?

Ты делишь с ним божественную трапезу и доверяешь самые сокровенные мысли, склоняешь голову, признаёшь учителем, а он такой же, как и ты — из народа. Это не значит, что священник обязательно плохой, но и совести камилавка не прибавляет. И уж точно не прибавляет она ума. У вас ролевая игра, вы распределили роли в этой игре и перераспределили ответственность. Кому-то достались верхки, а кому-то корешки. Только сам овощ непонятен, чтобы рассудить, что лучше. Профессиональный верующий — всегда лицемер. Подавленные сомнения деформируют личность, а сребролюбие почти всегда выходит в число главных мотивов. Мне-де тяжело находиться в псевдоучительской и псевдоотцовской шизофрении, но этим я зарабатываю себе на хлеб...

Мы более не являемся народом с живыми патриархальными традициями. Праведность сама по себе аутентична патриархальности и вне её смотрится как бьющаяся рыба на песке. Праведнику всегда хочется вернуться в патриархальную воду, и он пой-

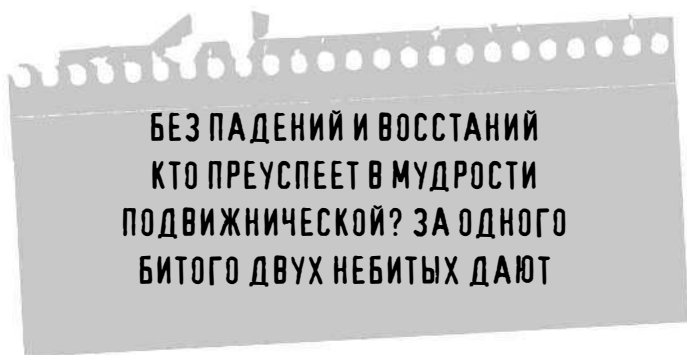
дёт ради этого и на смуту, являясь неблагонадёжным для большой церковной политики. Вышедшие из патриархальности народы однозначно лишаются праведности. Праведности нет как факта, хотя вы и ищите её в седине бород состарившихся в монастырях стариков. Почему не ищите её в обычных больных и неопрятных стариках, побирающихся у помойки и получающих от государства копейки на жизнь? Патриархальность — в общем уважении старости с признанием в ней опыта и мудрости и даже в делегировании старости неких судейских полномочий, а не бессмысленная божба на старика в епитрахили.

Игра в патриархальность в утратившем патриархальность обществе требует развитого навыка лицемерия. Этот навык имеют, к примеру, гомоиерархи и скрытые педофилы. Это не простые грешники, а люди с удивительным навыком лицемерия. Сохранить трезвый ум и не расщепиться до шизофрении, не упасть в бутылку или «на колёса» при ежедневных службах, обильных славословиями и нравоучительными молитвами — это нужно сильную голову иметь. Подобные лицемеры умеют блюсти церковь, на них ответственность и за тебя в том числе, а ты отвечаешь только за свои поступки только перед Богом. Удобная позиция, не спорю, если для тебя церковь форма внутренней эмиграции. Но это работает, только если сам верующий не теряет ума. Человек имеет от Бога разум — средство управления собой и обществом, но оставивший разум за церковными воротами лишается царя в голове, думая, что приобретает Бога. Но приобретает он не порядок, а хаос.

Священнику, по сути, всё равно — хаос в твоей голове или порядок. Он не психотерапевт и не призван улучшать или облегчать тебе жизнь. Главное для него — совершенно формальные вещи и так называемые таинства. Есть даже целая когорта духовников, окучивающих носителей хаоса. В современной России «спасение» становится товаром. Вне рынка это иррациональная концепция, в арсенале которой множество методов, от изуверских до гуманистических. Человек может изводить себя постами, как послушник в афонской келье Хаджи Георгия, уморившего сотни своих последователей, объясняя монашескому сообществу, что так они спаслись. А может заниматься благотворительностью, помогая множеству людей. Сегодня в церкви огромное количество иррациональных концепций спасения, почти столько же, как и самих верующих. Но изуверские практики, слава богу, практически на деле уже изжиты. Раз спасение — товар, нужно придерживаться общего человеческого закона, на который сегодня имеет огромное влияние гражданское общество, в том числе и атеисты. Если бы атеисты и здравомыслящие люди не оказывали на церковь этого давления, изуверских практик и жертв духовников-«хаосистов» было бы куда больше.

Отличительное присутствие православного духа — это клеймение своих же верующих собратьев. Дробление и деление на внутрицерковные партии и фракции — нормальное земное явление, но контраст споров, делений и свар, вкупе с заявлениями о небесном характере церкви и её святостью — теле Христовом, зримо свидетельствует о безблагодатном её характере в соответствии со своим же учени-

ем. Сама православная традиция предусматривает многообразие подвига, причём подвиг — как источник опыта — единственная связь традиции с реальностью. У вас же есть тысячи иллюзий и тысячи иррациональных концепций спасения, которые вы шумно навязываете друг другу. Каждую из них кто-то представляет единственно верной реальностью. Объединяет вас знание того, что все эти иллюзии — карты из одной колоды. Вас связывает определённый жизненный и бытовой стиль — тот самый «воцерковлённый чип», контролирующей речь и поступки. Но каждый из вас верит в свою карту. А вместе вы — верующие в колоду. Вера в чужую карту, в сформулированную другим концепцию спасения сосредотачивает вас на этой карте. И вы пытаетесь навязать неверующему всю православную колоду как единую церковь, а верующему — свою уникальную концепцию спасения как отдельную карту, в которую вы поверили.

Отсюда (из понимания царящего в церкви духа разделения) и ложный выход — спрятать голову в песок, как страус, это единственный способ остаться не

просто человеком, а человеком церкви. Поэтому церковный человек со временем перестаёт реагировать на внутрицерковную гниль, а то и оправдывает её, он становится замкнутым холодным эгоистом, сосредоточенным на своём собственном спасении. Сложные энергозатратные практики превращают верующего в истощённого и раздражённого человека, по сути своей несчастного. У этого человека есть определённый каркас личности, за который он держится всеми руками и ногами, но для постороннего этот каркас выглядит банальной клеткой, которую верующий запер изнутри, а ключ выбросил.

Устав от лицемерия, верующие люди входят в депрессию так называемого «выгорания» или же расцерковляются. Некоторые остаются вопреки, поскольку считают, что «быть верным до конца» и есть их жизненный план. Остальные свыкаются со своим положением и даже находят во внутренней эмиграции необходимый для комфортной жизни эмоциональный баланс. Есть и такие, кто, распрямляясь от лицемерия, превращает свою прямоту в средство спасения себя и окружающих. Любой «распрямившийся» опасен для искривлённых, чувствующих в себе потенциал распрямления и желание недоступной ему сейчас правды. Отсюда и отгораживание православных от слов правды, как от лжи. Мы свободны во Христе, — говорят православные. — Вы в рабстве своих страстей. Христос для таких — земной тюремщик, выпускающий отсидевшего свой срок в небесные обители. Мы верим своему тюремщику, потому что он освободит нас. «Распрямившийся» скинул ярмо, благое и лёгкое, чтобы освободиться. Ему легко, но мы в мире скорбны бу-

дем, ему многое можно, но сладость его в горечь претворится.

Моя задача как «распрямившегося» — донести этой книгой до читателя простую идею, что церковное бунтарство не является бунтом против создателя, напротив — оно есть живое и спасительное вмешательство духа, когда остальные средства уже не помогают, чтобы пробудить погрязшего в пучине равнодушия и гордыне собственной исключительности верующего человека. В этом смысле бунт против всеобщего лицемерия есть исключительно христианский по духу, это крест, порождающий боль непонимания и преследования со стороны сторонников системного спасения. И для некоторых христиан бунт есть единственное спасительное дело. Дело, за которое он страдает, как христианин, и которое иногда сводит его в могилу.

19

Считайте, что в этом есть миссия сей книги. Миссия пробуждения верующего от гордыни собственной исключительности и равнодушного отношения к собственной церкви, несмотря на внешние признаки рачительности и праведного гнева в отношении «нечестивцев». Эти нечестивцы (в том числе и автор книги) просто мешают тебе спать. Я постараюсь доказать это.

Означают ли мои слова, что я теперь хочу сделать хорошую мину при плохой игре? Да, именно так. Я сыграл плохо, а теперь хочу реабилитироваться. Я упал, но желаю встать. Поскользнулся, сломал ноги и долгое время бредил своей болезнью. А теперь я встал и снова хочу ходить. Это противоречит православному мифу об отпадении сатаны, который,